

կոթյալի կողմից նշվելով որանցից մի բանից: Աշխատության 7-րդ էջում հեղինակը գրում է: «Հայոց ազգը մեկ ազգային լեզու ունի՝ ժամանակակից Հայոց լեզուն իր երկու գրական զրուսնորումներով, որոնք մեր հետագա շարագրանքում կներկայացվեն զգալի լեզու (ընդգծումը իրենն է—Գ. Բ.) հորջորչումով, ուր լեզու տերմինը որոշ սլավոնականություն ունի»: Եթե Հայոց ազգը մեկ ազգային լեզու ունի (և դա իրականում այդպես է), ապա ինչո՞ւ գիրքը վերնագրել «Արևելահայ և արևմտահայ գրական լեզուներ» և շարագրանքում էլ, առանձին տեղերում (էջ 112, 158, 159 և այլն) գործածել լեզուներ տերմինը, երբ կարելի էր վերնագրել «Արդի հայերենի արևելահայ և արևմտահայ գրական տարբերակները» և այդպես էլ վարվել ամբողջ շարագրանքում:

Քերականագիտության մեջ ընդունված տեսակետի համաձայն՝ գերանունը դասվում է հիմնական կամ նյութական խոչը մասերի շարքը (տե՛ս, օրինակ, Ա. Արրամյան, Ժամանակակից գրական հայերեն, Երևան, 1981, էջ 150), բայց Ա. Արրգոյանը գերանունը մրացնում է երկրորդական խոչի մասերի մեջ (էջ 169):

201-րդ էջում կարդում ենք. «Երկու գրականներում էլ՝ 1. նկատվում է որոշիչ հոգի կիրառության որոշ սահմանափակություն (մասնավորապես արևելահայերենում բացառական և գործիական հոլովների դեպքում)»: Մինչդեռ հայտնի է, որ գրական արևելահայերենում հիշյալ հոլովները որոշիչ հոգ չեն ընդունում:

Բայի սեռերի մասին խոսելիս առաջըվում են լեզու, անանցողական (էջ 253) և ներգործական, անցողական (էջ 255) գույգերը. բայց մի՞թե լեզուը չի մտնում անանցողականի, իսկ ներգործականը՝ անցողականի մեջ:

Մեր գիտությունների մի մասը կրում է մասնակի բնույթ: Այսպես՝ շարագրության բնօրինակի կազմակերպչներին (VSO, SVO, SOV) առաջին անգամ հանդիպում ենք 251-րդ էջում, բայց գրանց բացատրությունը տրվում է բազմական ուշ (էջ 255):

Գրքում կան կրկնություններ: Երբեմն նույն միտքը գրեթե նույնությամբ կրկնվում է մի բանի էջերում: Այսպես, օրինակ՝ ձայնավոր շրջանների շրջանայնության հավելորդայնությունը հայերենում (էջ 20, 21, 23), կ(ր) և պ(ի)ի եղանակիչների տարբեր գործառույթները (էջ 229, 230, 232, 233, 243), հարակատար դերբայը (էջ 226, 227, 261), արևմտահայերենի ու խոսարձան բայերը (էջ 214, 215, 218):

Խոսքիմասային տերմինին հանդիպում ենք մեկ այլ, մեկ՝ խոսքամասային ձևով, նույնիսկ նույն էջի վրա (էջ 104):

Առանձին էջերում հանդիպում ենք վրիպակների:

Այնուհանգերձ, նշված թերությունները չեն արժեզրկում սույն աշխատությունը, և այն, իրոք, կարող է օգտակար լինել ոչ միայն լեզվաբանների ու հայագետների, այլև արդի հայերենի գրական երկու տարբերակներով հետազոտողների համար:

Գ. Բ. ԹՈՍՈՒՆՅԱՆ

Ս. Մ. МУРАДЯН. *Армянская эпиграфика Грузии (Картли и Кахети)*. Изд-во АН АрмССР, Ереван, 1984, 227 с.

Среди армянских эпиграфических памятников лаиндарные надписи на территории Грузии составляют небольшую и вместе с тем важную группу. В силу целого ряда обстоятельств армянская эпиграфика Грузии отличается большой информативностью и этим вызывает неослабный научный интерес. История издания и изучения армянских лаиндарных надписей Грузии насчитывает два столетия, и тем не менее кавказоведы-армянисты не располагали хотя бы сводом армянской эпиграфики Грузии. Рецензируемая монография восполняет давно наметившийся пробел в кавказоведческой литературе в двух отношениях — вполне заменяет «Корпус армянских надписей Грузии» (разумеется, в пределах Картли и Кахети) и одновре-

менно является основательным исследованием значительной части этих надписей.

Выбор П. М. Мурадяном Картли и Кахети в качестве исследуемого региона вполне оправдан исключительной ролью этих восточногрузинских провинций в истории грузинского народа и традициями контактов армян с их населением. Особенно притягательной были для переселенцев-армян поселения сердцевины Грузии—Картли. Шестнадцать из восемнадцати этюдов, составивших книгу, посвящены картлийским городам и селам, среди них пользующимся большой известностью Мцхете, Уплисцихе, Гори, Атени, Анапури. Из кахетинских поселений наиболее заметный след в виде культовых сооружений и эпиграфических памятников

армяне оставили в столице Кахетинского царства Грени.

В хронологическом отношении исследование охватывает эпоху VII—XIX вв., внутри которой можно выделить четыре периода, исходя из характера и интенсивности высечения надписей. Наиболее раннюю группу составляют строительные надписи храмов Мухетского Джвари и Атенского Спона. Их лаконичные свидетельства доказывают участие зодчих и мастеров-армян в возведении этих известных памятников. Свои прежние выводы о строительных надписях Джвари и Атени автор подкрепил новыми наблюдениями.

Следующая группа по своему характеру тоже однородна. Примерно два десятка надписей IX—XIV вв. в Гареджа, Атени и Уплисцихе оставлены армянскими пилигримами, посетившими эти знаменитые обители вопреки всем запретам духовных предводителей. Эти факты П. М. Мурадян обоснованно рассматривает в аспекте интенсивности и продолжительности культурных контактов после армяно-грузинского церковного разрыва в начале VII в. Из этой группы несомненную историческую ценность представляет надпись Герджума, сына Ерхасана, современника событий в Картли конца X в. В адекватной расшифровке и обстоятельной интерпретации П. М. Мурадяна надпись имеет иной смысл, чем тот, который ей приписал З. Н. Алексидзе, впервые опубликовавший этот эпиграфический памятник.

С исторической точки зрения принципиальное значение имеет появление во второй половине XV в. ряда надписей в Дирби, Ахалгори, Кавтисхеви, Канда, Гориджвари. Все они свидетельствуют о строительной деятельности и высечены на стенах местных церквей, не выделяющихся своими размерами, архитектурной формой и внутренним убранством. Очевидно, что их одновременное появление связано с расширением переселения армян в Картли; при этом переселялись преимущественно сельские жители. С образованием многолюдных армянских общин в деревнях Картли, по всей вероятности, было связано строительство местных армянских культовых сооружений. Так или иначе связаны со строительной деятельностью

армян и другие надписи последующих двух веков в Уплисцихе, Гори, Квахурели, Вака, Грени. Одновременно продолжалась традиция высечения надписей пилигримами в Атени и Гареджа. Другая существенная особенность периода XV—XVIII вв.—слабая выраженность двуязычия армян Картли и Кахети. Приверженность родному языку при создании письменных памятников, продолжение строительства церквей ясно свидетельствуют о том, что армянские общины увеличивались и за счет притока из Армении, а в конфессиональном отношении монофилитство не уступало своим позиций.

В последний, четвертый период (XVIII—XIX вв.) строительство культовых сооружений армянами переживает спад, хотя переселение имеет не меньшее значение. Выраженнее все усиливающегося билингвизма и в культурно-литературной сфере являются двуязычные надписи. В отдельных случаях образование новых армянских общин происходит в результате внутримиграционного процесса, за счет переселения армян из других поселений Грузии.

Хронологические наблюдения и датировки П. М. Мурадяна основываются на комплексном анализе палеографии и языка надписей, на свидетельствах письменных источников, искусствоведческом изучении памятников.

Сам эпиграфический материал обусловил то, что в монографии существенное место занимают вопросы истории армянского населения Грузии; в определенной степени она представляет собой историю всех тех поселений, где сохранились высеченные армянскими жителями надписи. Изложение сведений о формировании армянских общин в грузинских поселениях автор предваряет очерком истории самих грузинских поселений, основанным на широком круге грузинских, армянских, восточных, русских и западноевропейских источников. Установленные П. М. Мурадяном факты, касающиеся времени и обстоятельств возникновения армянских общин в Ахалгори, Апанурт, Квахурели, Уплисцихе и других городах и селах Картли и Кахети, являются значительным вкладом в исследование грузинских поселений.

В этой связи в монографии выяснен еще один существенный вопрос—роль армянского населения в экономической жизни Картли и Кахети, хозяйственные занятия переселенцев. Большой фактический материал дал возможность автору обоснованно поставить под сомнение представление о распространенности среди армян лишь торговли и ремесел. Такие свидетельства, как многочисленность сельского населения Картли, распространенность сельскохозяйственных занятий в городках типа Ахалгори, позволяют считать явным преувеличением взгляды, критикуемые П. М. Мурадяном.

Данные эпиграфики исчерпывающе использованы автором монографии при постановке вопросов этнокультурной истории. Детальный лингвистический анализ позволил проследить за изменениями в языковой ориентации армян Картли и Кахети. Процесс огрузинения армян под влиянием местной этнической среды сначала выражался в разговорной речи, и следы этого П. М. Мурадян подметил в изменениях в традиционных формулах надписей. Другой примечательный момент—появление картвелизированных и грузинских антропонимов в эпиграфических памятниках. Интересно, что владение грузинским языком было характерно не только для людей, имевших интенсивные контакты с местным населением по роду своих хозяйственных занятий, но даже для армянских священнослужителей. Факты такого рода показывают, что билингвизм и даже грузиноязычие не означают разрыва с национальными традициями. В этом отношении значительно большее значение имела конфессиональная принадлежность. Наличие армянских культовых сооружений с грузинскими строительными надпи-

сями доказывает, что приверженность армян монофизитству продолжалась и после утраты ими родного языка. В монографии показана вся сложность и противоречивость процесса огрузинения армян Картли и Кахети. Для полной завершенности названного процесса им предстояла смена присущего армянам социально-психологического облика и приобретение грузинского этнического самосознания. Выяснение хода и направленности, деталей этнической истории армян Картли и Кахети автором делает совершенно бесспорными старые и новые утверждения о существовании «грузин-григорян».

Научной заслугой П. М. Мурадяна следует считать и разработку специальной методики исследования двуязычной эпиграфики. Эта методика всесторонне учитывает особенности среды, своеобразным продуктом которой были эпиграфические памятники. В монографии освещаются основные вехи истории тех поселений, где существуют лапидарные надписи, их политическое, экономическое, культурное положение, характерная для них этническая и лингвистическая ситуация и т. п. При этом исследователь привлекает данные разноязычных источников всех видов. Комплексный подход проведен автором вполне последовательно. В отдельных случаях П. М. Мурадян даже прибегает к художественному анализу памятников материальной культуры, придавая этим целостность и законченность своему исследованию. Широко задуманная и частично уже осуществляемая программа изучения армянской эпиграфики Грузии заслуживает высокой оценки и поддержки.

А. Г. МАРГАРЯН, П. А. ЧОБАНЯН